

О проблемах перевода тюркоязычной литературы

Приобретенная нами на Московской международной книжной выставке-ярмарке 2017 г. в павильоне Турецкой Республики серия книг о тюркской литературе в полной мере отражает культурную сокровищницу великого народа, «то богатство, – пишет в предисловии президент Реджен Тайип Эрдоган, – которое делает нас тем, кто мы есть». Действительно, соглашается президент, могут существовать различия между языками, диалектами, говорами и наречиями; «нас могут разделять границы и расстояния, но мы составляем единое тело и душу вместе с казахами, туркменами, узбеками, татарами, анатолийскими и балканскими турками множеством других братских народов». Правоту этой мысли подтверждает название каждой из книг, посвященной шедеврам тюркской литературы. Отдельные книги серии представляют творчество выдающегося ученого, теолога и писателя Ходжа Ахмеда Ясави и его последователя – основателя тюркской суфийской литературы в Анатолии Юнусу Эмре, народного мудреца, певца-сказителя (озана) Дэдэ Коркута. В серию входят также две книги «Избранного» – «Дастаны тюркского мира» и «Поэты тюркского мира». Последняя уникальна и представляет собой своеобразную антологию, рассказывающую об основоположниках различных тюркских литератур: узбекской – Алишере Навои, туркменской – Махтумкули Фраги, татарской – Габдулле Тукае, киргизской – Токтогуле Сатылганове, а также тем, кто оставил свой неповторимый след уже в новое время – Рамизе Ровшане, Назыме Хикмете, Чулпане, Дмитриии Карачобане, Эркине Вахидову, Арифуну Нихат Асья, Бекиру Чобан-заде. Отдельный том составили произведения

детской литературы тюркского мира, к которой в Турции предъявляют весьма серьезные требования.

Все вышесказанное стало для нас толчком к размышлениям об актуальных проблемах переводной литературы в современном мире, к которым мы (в рамках своей профессиональной деятельности – обучение русскому языку тюркоязычных студентов из стран СНГ) относим, в частности, и вопрос об интерпретационном потенциале перевода в пространстве мультикультурного образования [6: 179].

Особо надо отметить лучших современных тюркоязычных переводчиков: казаха Кайрата Бакбергенова, туркмена Рахима Эсенова, узбека Баходыра Ахмедова, азербайджанца Салима Бабуллаоглу, турка Угура Бюке, кыргыза Акбара Рыскулова. Отдельно – о высоко нами ценимом поэте, тюрке по происхождению Бахыте Кенжееве, не случайно считающим себя наследником великого казахского писателя Абая, а тюркскими корнями, унаследованными от родителей, он называет – смирение перед житейскими неудачами, гордость и умение быть счастливым от сравнительно малого. Ведь жизнь родителей была, признается Кенжеев, несоизмеримо тяжелее, чем его собственная, но они никогда не жаловались, никогда не считали себя неудачниками, всегда радовались тому, что у них было.

Среди них особое место занимает русский балкарский поэт Юруслан Болатов, язык поэзии которого признается сегодня знатоками адекватным, «беспримесным» языком пушкинской традиции, уникально адаптированным к современности. В стихах Болатова присутствуют именно пушкинская чистота звука, лиризм и жизнелюбие. Одновременно его творчество близко к традициям русской философской поэзии, рассматривающей картину мира специфическими способами рефлексии, которые приводят к тому, что в поэтическом слове символически находит себя весь человек, т.е. сублимируется то общечеловеческое, универсальное, что характеризует тип эстетически-чувственного восприятия народа [11: 103].

Многочисленные почитатели творчества Болатова из разных уголков Кавказа – этой окраины Европы – благодарны ему за тонкий психологизм художественного высказывания, его деликатность и тактичность – как интровертную составляющую мира души и, одновременно, за открытость знанию, общению, действию – как экстравертную, органично дополняющих друг друга в поэтическом мире Юруслана Болатова. Нередко возникает желание назвать стихи Болатова «поэзией космического реализма», лирический герой которого созидает новые культурные связи как на планете Земля, так и в межзвёздном простран-

стве [8: 322]. Поэт, наш современник, создал особый, только ему присущий художественный мир, центральные идеи которого – обретающие всеобъемлющую Любовь, братство, справедливость и мир земле под сенью грандиозного Знамени Мира (Знамени Культуры); духовная эволюция и космическое будущее Человечества.

Его стихи пронизаны поистине вселенской озабоченностью о кризисе тысячелетней человеческой культуры, отмечены неподдельной тревогой за суетливую повседневность современного человека, забывшего о том, что все мироздание держится только на притяжении-тяготении любви. Отсюда в его творчестве столь очевидная этическая недвусмысленность, противостоящая столь распространенной на его родном Кавказе вражде/ненависти, которой Болатов противопоставляет безусловное право поэта нести миру жизнеутверждающие идеи, апеллируя при этом к мистическому опыту Учителей нравственности, что позволяет воспринять его символом общечеловеческих ценностей и идеалов, абсолютно понятных всем народам на евразийском материке.

Следует отметить создание Болатовым собственного «поэтического космоса», где написание через дефис является философско-лингвистическим синтезом двух начал – этического, с его апелляцией к рациональному разуму, и поэтического, ускользающего от рационального образа и метафоре. У Болатова космос не этичен как некая незыблемая структура, а именно по-этичен, художественно неповторим [12: 1079].

Итак, поэзия Болатова – это поэзия, открывающая и объясняющая важнейшие смыслы и основы существования людей друг с другом, подчеркивающая красоту всечеловеческого взаимопонимания и глубоко осмысленную и вдохновенную веру в способность языка сформировать будущее мировое сообщество на основе принципов гуманизма, согретых теплотой поэтического высказывания: всепроникающая всемирность, чистота лирического стиля, мужественное бесстрашие и граничащая с самоотверженностью верность высшим идеалам и гуманистическим принципам.

Здесь не лишним будет напоминание об изречении Вальтера Беньямина: «Принципиальная ошибка переводчика в том, что он фиксирует случайное состояние своего языка вместо того, чтобы позволить ему прийти в движение под мощным воздействием иностранного. <...> Он обязан расширять и углублять свой язык посредством чужого. Мы совершенно не представляем, насколько это возможно» [1: 66]. Мысль чрезвычайно важна для переводчика, ставящего перед собой задачу в каждом отдельном случае проанализировать актуальное состояние той

или иной из тюркоязычных литератур, ее появление и эволюцию.

Сегодня в России немало двуязычных авторов, которых называют иногда «неправильными» переводчиками, ибо переводят они с родного языка на язык «неродной», тогда как обычно все происходит наоборот. Но, может быть, именно это делает их переводческую работу особенно ответственной и проникновенной [13: 140]. Как признавался узбек по национальности и месту проживания, но пишущий на русском Хамдам Закиров, при переводе на другой язык «важно уловить тот трепет, который охватывает мир, когда мы приближаемся к его сердцу. Иначе после «тепло, тепло, жарко» вновь будет «холодно», и мы останемся при своей технической изошренности ни с чем» [4: 12]. Ему вторит другой узбек – Шамшад Абдуллаев: «Мы верили и продолжаем верить, что Фергана (один из древнейших городов Узбекистана. – Т. С.) может хотя бы на час или на один ослепительный полдень, если ей воздать хвалу со злостью бесполезной одаренности, стать гипнотической землей, где впечатления превращаются в судьбу, вопреки желчной жизни, вопреки сопровождающей нас петляющей неясности» [4: 15]. Напомним, это мнение самого известного поэта среди «ферганцев» и основоположника литературной части «ферганской школы», хотя, справедливости ради, укажем, что средиземноморская и англосаксонская поэзия, к традициям которой зримо тяготеют «ферганцы», пронизывающая созданные ими русскоязычные произведения, вызывает у многих критиков отторжение, что, однако, не мешает им и близкой по духу Ташкентской поэтической школе регулярно издавать совместный альманах «Малый шелковый путь», приобретающий в последних выпусках осязаемую «японо-китайскую» нарративность. Кстати, весьма убедительно выглядел в финале «Русского Букера» лидер «ташкентцев» Сухбат Афлатуни с романом «Поклонение волхвов», который мы должны признать образцом эстетического совершенства именно культуры русско-тюркского пограничья. Так же и роман «Город дырявых теней» его товарища из того же призыва – Вадима Муратханова.

Вынужденно коротко о другом писателе с тюркскими корнями – потрясающе одаренном Фариде Нагима. Он родом из Оренбургской области, которую, после «Капитанской дочки», мало кто воспринимал чисто русской землей. Так же как, впрочем, и все творчество Нагима, особенно его драматургию («Крик слона»), вызвавшую большой интерес в Германии. Структуру его с большим трудом изданного романа «Ганжер» (тоже ведь, что скрывать, классическое пограничье для французского бомонда) в критике сравнивали с коллажами Параджанова, который отдавал предпочтение примитивным, вульгарным

и кичевым вещам, вернее их феерической интерпретации с каким-то абсолютным, тотальным ощущением свободы. Это было моментально же прочувствованно и облачено немецким критиком Ивонной Гриссел в ставшем образцом рекламного текста анонсе: «В романе есть сцены, которые за всю историю литературы впервые описаны русскими словами. Читая их, ты забываешь читать – в голове творится нечто сверхъестественное. Я замирала и оглядывалась на людей в метро, я боялась полиции, боялась церкви, так о любви еще никто не писал...» [3].

Размышляя об особенностях искусства перевода, о переводчике и его роли в культуре, о тайне поэтического слова, которую можно лишь уловить, но невозможно «проверить алгеброй», приходишь вот к такому выводу. Владая гибкой субстанцией языка, переводчик вступает с автором в акт «сотворения» или, лучше сказать, «перетворения». Переводчику, как и ритору, вменено в обязанность творить по правилу: слово – это мысль, любовь к слову – это чувство. Он в каждый момент своей работы должен знать, говорит ли он как человек мыслящий, с доказательствами, или как человек чувствующий, с убеждением [7: 410].

Важно также сознавать, что перевод – это служба общения культур; но она не притворяется диалогом, а переводчик все-таки не собеседник автора, а скромный толмач при нем, пересказывающий слова, не к нему и не к нам обращенные [9: 117]. Но эта скромность дорогого стоит – надо «указать» не только путь писателя, но и «образец поступи», т.е. не только ощущение окрыляющего понимания, но и уникальной манеры, стиля автора.

Что касается переводов тюркоязычной литературы на постсоветском пространстве, то следует отметить следующее. Очень трудно добиться адекватного перевода, даже если его делает блестящий писатель, как это было с А. Кимом, переведившим, например, «Путь Абая». Ким сам известен как крупнейший современный писатель – «натурфилософ», кардинальным образом сближающий в своем творчестве Дальний Восток и Переднюю Азию, буддизм и ислам. Он и в перевод великого романа тюркоязычного писателя привносит мотив оборотничества, сопрягая его преобразовательную функцию с мотивом смерти, что на философском уровне скорее соотносится с китайским, нежели уйгурским мировосприятием. Однако возможно благодаря именно этой «восточной прививке» в кимовской версии «Пути Абая» мы встречаемся с прежде не знакомым вариантом темы творческой личности, которая оказывается абсолютно релевантной именно казахскому гению, вернее, его соплеменникам, перенявшим от него энергию преобразования. Естественно, лингвостилистической процедуры здесь просто не избежать,

но следующий этап – перевод, скажем, на английский язык с русского только усилит некоторые погрешности последнего. А переводчиков, знающих язык оригинала, а также на достойном уровне английский, пока еще нет. Существует реальная опасность, что англоязычным читателем сегодня вряд ли кто из тюрков сможет быть прочувствованным. Поэтому в тюркоязычных государствах Центральной Азии сегодня так остро стоит «вопрос о формировании собственных переводческих школ, при сохранении «базовым элементом» перевода на русский язык, который здесь повсеместно осознается мощной культурной традицией» [7: 410].

К. Султанов недавно напомнил в связи с этим о диалектически выверенном подходе, предложенном И. Гете еще в 1828 г. [5]. Говоря о только что тогда вышедшем сборнике произведений немецких писателей, переведенных на английский язык, он не акцентирует внимания на проблеме художественного перевода, а делает упор на «всеобщей терпимости», достижимой «лишь тогда, когда мы дадим возможность каждому отдельному человеку или целому народу сохранить свои особенности, с тем, однако, чтобы он помнил, что отличительной чертой истинных достоинств является их причастность всечеловеческому» [2: 535].

И еще одна проблема, о которой говорят все переводчики. Принципиальное отличие в переводческой деятельности от прежней эпохи мы склонны, прежде всего, объяснять формированием нового литературного сознания, серьезно отличающегося от советского, и основной чертой которого является самоосознание той или иной из тюркоязычных литератур в ситуации принципиальной пограничности и множественности языков. Именно здесь межкультурное русско-тюркское пограничье станет невероятно интересным контекстом для новых поэтик, для новых творческих практик.

Библиографический список

1. Беньямин В. Задача переводчика. Пер. с нем. Е. Павлова // Комментарии. М.; СПб., 1997. Вып. 11. С. 65-82.
2. Гете И.В. Об искусстве. М.: Искусство, 1975.
3. Гриссел И. Фарид Нагим «Tanger». URL: <https://www.livelib.ru/review/183912-tanger>.
4. Закиров Х. Поэзия и Фергана. 2001. Ташкент: Открытое общество, 2017.
5. Султанов К. Идентичность по Айтматову, или Всеобщность особенного // Вопросы литературы. 2014. № 3. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2014/3/2s-pr.html> (дата обращения: 23.03.2018).
6. Сумская М.Ю. Интерпретационный потенциал перевода в пространстве мультикультурного образования // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории. Мате-

- риалы первой Международной научно-практической конференции. 2015. С. 179-182.
7. Сумская М.Ю. Перевод как культурная практика в зеркале глобализации // Русский язык в современном мире. 2009. № 1. С. 409-411.
 8. Погорелова И.Ю. Авторская стратегия в метапоэтическом дискурсе русской литературы // Актуальные направления научных исследований XXI в.: теория и практика. Сборник научных трудов по материалам международной заочной научно-практической конференции. Воронеж, 2015. № 1. С. 320-326.
 9. Погорелова И.Ю. Интермедальность как художественная стратегия XXI века // Университетские чтения – 2014. Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Часть VI. Пятигорск, 2014. С. 114-119.
 10. Шульженко В.И. Литература народов Кавказа на русском языке: смена статуса // Наследие Ю.И. Селезнева и актуальные проблемы журналистики, критики, литературоведения, истории: Материалы первой Международной научно-практической конференции. 2015. С. 210-213.
 11. Шульженко В.И., Савченко Т.Д. Проблемы гуманизма в современной поэзии Северного Кавказа // Русский язык и межкультурная коммуникация. 2017. № 1 (16). С. 100-105.
 12. Шульженко В.И., Сумская М.Ю. Современная литературоведческая русистика: евразийские корреляции «кавказского текста» // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2016. № 5. С. 1077-1082.
 13. Шульженко В.И., Сумская М.Ю. Лермонтов в современной школе: проблемы чтения и восприятия // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы XIII конгресса МАПРЯЛ: в 15 томах. 2015. С. 139-144.